

ЭО, 2010 г., № 5

© Ю.П. Шабасев, Т.И. Дронова, В.Э. Шарапов

КОМИ-ИЖЕМЦЫ, ПОМОРЫ И УСТЬЦИЛЕМЫ: МОДЕЛИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ*

Ключевые слова: поморы, коми-ижемцы, устьцилемы, этническая группа, идентичность

Статья посвящена анализу культурных процессов, которые все очевиднее проявляются в последние годы в локальных группах. В качестве объекта анализа избраны поморы, коми-ижемцы и устьцилемы, в культурном развитии которых имеется много общих черт. Основное внимание уделено идентичностям и особенностям идентификации в каждой из групп.

Введение

Коми-ижемцы, поморы и устьцилемы (далее – устьцилемы) – три культурные группы, сложившиеся на Европейском Севере России, система хозяйства, социальный облик и культурные традиции которых претерпели серьезные изменения в XX столетии. Несмотря на глубокие изменения во всех сферах жизни, культурная идентичность названных групп сохраняется, хотя ее восприятие коми-ижемцами, поморами и устьцилемами и их элитами меняется. Настоящая статья представляет собой попытку провести сравнительный анализ групповых идентичностей и причин, порождающих изменения в характере их восприятия.

Все три названные выше группы сформировались примерно в одно и то же время, территориально соседствуют и имеют много общего в культуре и историческом развитии, однако сегодня культурное развитие групп существенно различается.

Коми-ижемцы, поморы и устьцилемы эффективно осваивали ресурсы северных территорий и создали своеобразную систему хозяйства, которая обеспечивала экономическое благополучие и стала основой культурной специфики указанных групп.

Этноним *ижемцы* (*изъватас*) учитывался официальной статистикой в ходе переписи населения 1926 г. и затем 1989 г., но как вариант этнонима *коми* (*коми-зыряне*), а поморы появляются в учетных документах переписи 1989 г. как вариант этнонима *русские* (*Соколовский* 2004: 225–226). При этом перепись 1989 г. не зафиксировала актуализации названных культурных определителей. Согласно переписи населения 2002 г., в России насчитывается 6,5 тыс. поморов и 16,5 тыс. коми-ижемцев. Этноним *устьцилемы* никогда не использовался как учетная категория, хотя его существование как локального этнонима специалистами не оспаривается.

Юрий Петрович Шабасев – доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии Института языка и литературы Коми научного центра УрО РАН, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Коми филиала Кировской медицинской академии; e-mail: yurshabaev@mail.ru

Татьяна Ивановна Дронова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка и литературы Коми научного центра УрО РАН; e-mail: t_i_dronova@mail.ru

Валерий Энгельсович Шарапов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института языка и литературы Коми научного центра УрО РАН; e-mail: sharapov@online.ru

* Статья подготовлена в рамках проекта “Территориальные сообщества, региональные идентичности и этничность на европейском севере РФ: исторические и культурные основания процессов этнической дифференциации и межкультурной интеграции” по Программе фундаментальных исследований РАН “Историко-культурное наследие и духовные ценности России” (направление 5: Традиции и новации в культуре народов России).

Вместе с тем формальный акт учета граждан, идентифицирующих себя с помощью тех или иных этнических маркеров, еще не позволяет говорить об очевидном наличии культурной группы как некоей целостности. Для оценки того, что собой представляет группа лиц, обозначившая себя одним и тем же этническим определителем, важно рассмотреть целый комплекс культурных явлений: групповую солидарность, групповую идеологию, содержание идентичности, способность группы формулировать и выражать групповые интересы и другие факторы, характеризующие культурную ситуацию внутри группы.

История формирования групп

Среди этнографических групп народа коми (зырян) коми-ижемцы (изъватас) выделялись ярко выраженной культурной спецификой. Начало формирования ижемских коми приходится на вторую треть XVI в. В период между 1568 и 1585 гг. в пределах устьцилемских территорий на р. Ижме (притоке Печоры) была основана Ижемская слобода (*Лаушук* 1958: 97; *Конаков* 1997: 19), которая долгое время являлась единственным населенным пунктом коми на нижней Печоре; лишь в конце XVIII столетия вокруг нее разросся куст новых поселений коми: Мохча, Сизябск, Гам, Бакур, Мошьюга.

В XVII–XVIII вв. процесс формирования самой северной этнографической группы коми в основном был завершен. В результате длительного межэтнического смешения и этнокультурного взаимовлияния у ижемцев возник особый ижемский диалект языка коми с существенными заимствованиями в лексике из русского и ненецкого языков, произошли изменения в традиционном хозяйственном комплексе, определились и другие существенные отличия от остальных этнографических групп коми. В XIX в. ижемцы значительно расширили территорию своего обитания. Был основан ряд поселений по всей средней Печоре, ижемцы заселили приток Печоры р. Усу, Большеземельскую и Канинскую тундры, основали свои поселения на Оби, большая их группа осела на Кольском п-ове (*Жеребцов* 1982; *Конаков* 1991).

Основой хозяйства ижемцев являлось оленеводство. Оленеводческий комплекс они полностью заимствовали у ненцев уже в XVII столетии. При этом ижемцы ввели круглосуточное патрулирование стад с помощью собак, перешли к крупнотабунному товарному оленеводству в Большеземельской тундре и широко использовали продукцию оленеводства в торговой деятельности (торговля шкурами, производство замши).

Помимо оленеводства ижемцы занимались охотой и рыбной ловлей, а также отчасти огородничеством, вели торговлю по всему северу России, поставляли свою продукцию в Москву и Санкт-Петербург. Способы хозяйствования ижемцев оказались более эффективными, чем у ненцев Большеземельской тундры, а также кольских саамов и хантов. Ижемские оленеводы целенаправленно увеличивали численность стад, и к середине 1830-х годов ненцы уже потеряли свой приоритет в тундре, о чем косвенно может свидетельствовать “Устав об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии”, принятый в 1835 г. К 40-м годам XIX в. соотношение численности оленьего поголовья, принадлежавшего ненцам и коми, было 1:4 и сохранялось в последующие годы (*Зырянский* 2004: 154).

Поморы, как и коми-ижемцы, успешно освоили свою экологическую нишу на севере и создали эффективный хозяйственный комплекс. Устоявшимся научным и обыденным представлением является то, что поморы как группа сформировались несколько столетий назад. Чаще всего говорят, будто самоназвание группы *поморы* появилось уже в XII столетии (*Гемп* 2005) и тогда же начался активный процесс формирования ее. Но В.В. Ануфриев справедливо замечает, что первое упоминание области “Поморье” относится к 1459 г., а сам этноним “поморы” появляется лишь во второй половине

XVIII в., хотя термин “поморцы” встречается в документах раньше – с XVI столетия (*Ануфриев* 2008: 33–51). До начала XVI в. разрозненное население, осевшее по берегам Белого моря, не представляло собой какой-либо культурной целостности. Только после основания Архангельска, как важнейшего экономического центра Европейского Севера, начался реальный процесс консолидации группы, ибо вся хозяйственная деятельность поморского населения была ориентирована на архангельский рынок, где осуществлялся сбыт продукции рыболовства и зверобойного промысла, заключались сделки, и местных жителей стали называть “поморами”.

Формирование поморского населения и его культурной специфики происходило на протяжении нескольких веков и завершилось лишь к XVIII столетию. Поморы издавна занимались морскими промыслами, торговым мореплаванием и судостроением. Морская составляющая хозяйственной деятельности поморов обусловила потребность в грамотных людях, а постоянные контакты поморов с представителями власти и иностранцами способствовали развитию грамотности среди значительной части мужского и даже женского населения. Почти каждый помор знал поморские лоции местного значения, а общий морской опыт был обобщен в “Книге мореходной” (*Бернштам* 1978).

Следует отметить значительную роль в деле просвещения Поморья северных монастырей, среди которых особое место по праву занимал Соловецкий, после разорения которого часть его насельников оказалась в числе основателей Выголексинского общежительства, окормлявшего староверов, прибывших на Север после церковной реформы XVII в. Они существенно пополнили численность группы поморов, в том числе и грамотного населения (*Кожурин* 2007: 102–103).

Хозяйство поморов базировалось на морском рыболовном промысле, но заметную роль в нем играли также охота на морского зверя, охотничий промысел, торговля (прежде всего с Норвегией), земледелие, т.е. оно было комплексным. В процессе освоения арктических морей поморам удалось создать множество разных типов судов, которые были максимально приспособлены к северным условиям. Поэтому, когда царское правительство во второй половине XIX столетия стало настаивать на переходе поморов к более совершенным, по его мнению, типам судов (шхунам и др.), те активно сопротивлялись, доказывая, что их промысловое хозяйство является максимально эффективным (*Ружников* 2005).

В лингвистическом плане не существовало единого поморского диалекта, и исследователи выделяют целую группу поморских говоров в Архангельской губ. и северных частях Олонецкой и Вологодской губерний (Русская диалектология 1989). Эти говоры воспринимались как локальные варианты великорусского языка, и не случайно во время Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. абсолютное большинство населения Архангельской обл. указало, что родным языком для него является русский (Первая 1905). Поэтому попытка представить так называемую “поморскую говорю” в качестве языка поморов оказалась довольно сомнительной.

В связи со значительными хозяйственными и социальными переменами в XIX в. начинает постепенно утрачиваться и само значение слова “помор”. В XX в., особенно во второй его половине, оно, по мнению одних исследователей, вообще выходит из употребления (*Бернштам* 1978), по мнению же других, продолжало широко использоваться (*Булатов* 1999).

Не меньший интерес представляет и группа русского старожильского населения Республики Коми с самоназванием “устьцилема”, начало формирования которой приходится на середину XVI в. Первопоселенцем Усть-Цилемской слободки являлся новгородец Ивашка Ластка, получивший жалованную грамоту на освоение нижнепечорских земель. С конца XVII в. формируется конфессиональная специфика группы, поскольку край становится пристанищем для староверов, прибывших на Печору из центральных и северо-западных районов России и численно превосходивших старожильское население Усть-Цильмы, которое вскоре “растворилось” среди переселен-

цев. “Остальцы древлего благочестия” поддерживали прочные отношения с поморскими старообрядческими скитами, и уже в первой половине XVIII в. на нижней Печоре утверждается поморское беспоповское согласие.

Устьцилемы занимались животноводством и рыболовством, но в своей хозяйственной деятельности тесно взаимодействовали с ненцами и коми-ижемцами. Более того, по мнению исследователей, предположительно устьцилемы принимали участие в формировании самой северной группы коми – коми-ижемцев; переселение русских (устьцилемов) на Ижму происходило и в последующие столетия, причиной тому были неоднократные набеги ненецких племен, приводившие к разорению некоторых устьцилемских хозяйственных дворов (*Лашук* 1958).

В процессе разработки таксономической классификации русского народа нижнепечорская группа устьцилемов была выделена в некую общность “поморско-новгородского” происхождения, признанную таковой исследователями этнической истории Северо-Востока России, в частности Л.П. Лашуком. Однако Т.А. Бернштам не только “развела” поморов с названной выше группой, но и подвергла сомнению новгородское происхождение устьцилемов, несмотря на предание о прибытии из Новгорода их первопоселенца (*Бернштам* 1985). О неновгородском происхождении основателя Усть-Цильмы Ивашки Ластки писала и Чеснокова (*Чеснокова* 1989).

Идентичность

Итоги переписи населения 2002 г. позволяют говорить о наличии как поморской, так и коми-ижемской идентичности, а результаты этнографических исследований свидетельствуют о существовании устьцилемской идентичности (*Дронова* 2002). Но каково содержание названных идентичностей, можно ли считать их устойчивыми, в каких социальных и возрастных группах эти идентичности поддерживаются наиболее активно? Ответы на эти вопросы позволят сделать выводы относительно культурных изменений, происходящих в названных группах.

Если говорить о самосознании ижемцев, то утверждения их нынешних лидеров о группе как об особом этническом сообществе (*Ануфриева* 2007) имеют под собой ряд оснований, о чем мы отчасти заявляли выше. Во-первых, ижемцев отличает высокая степень групповой солидарности. Во-вторых, у них устойчивая позитивная идентичность. В-третьих, в массовом сознании ижемцев оказалась весьма значимой оппозиция “зыряне – ижемцы”, т.е. они не только символически выделяют себя из среды коми, но и противопоставляют другим группам, что выразилось, в частности, в четком маркировании культурных границ с помощью оппозиции “мы – они” (“мы – ижемцы, они – коми”) и использовании различных культурных маркеров, в том числе прозвищ (в их числе есть и уничижительные). В-четвертых, ижемцы отличаются развитой исторической памятью.

При этом стоит заметить, что коми-ижемцы всегда заметно отличались от прочих коми не только хозяйственной спецификой и диалектом, но и традиционной одеждой, кухней и большей ориентацией на русские культурные традиции. Как отмечают Н.М. Теребихин и Д.А. Несанелис, «за лоском и блеском православного уклада ижемцев скрывается их внешнее благочестие, порожденное ориентацией на “русскость” и стремление “перещеголять” русских во всем, в том числе – и в их русской “православной вере”» (*Теребихин* 2008: 145). После того, как была создана автономная область коми и начался процесс национально-государственного строительства, ижемцы высказывались против обучения на языке коми в местных школах, заявляя о своем желании получать образование на русском языке. Дело даже доходило до сожжения букварей и учебников на языке коми. Сегодня ориентация на “русскость” от-

части сохраняется, и не случайно некоторые идеологи ижемского движения заявляют, что ижемцы происходят от новгородцев.

Что дает основание говорить о процессе реидентификации группы? В первую очередь здесь мы опираемся на результаты собственных исследований конца 1980-х годов. Они показали, что, хотя историческая память о прошлом группы сохранялась, локальная идентичность была практически утрачена, и основным этническим определителем как для ижемцев, так и для представителей других этнографических групп коми (зырян) был этноним “коми”. Правда, кольские и обские коми этим этнонимом не пользовались, полагая, что он применим только к коми, проживающим в пределах республики, а себя называли зырянами (*Котов* 1996: 99). Не случайно процесс реидентификации стимулировался за счет активности этнических антрепренеров, представляющих названные локальные группы. Тот факт, что локальная идентичность у ижемцев на протяжении нескольких десятилетий находилась в процессе деконструкции и уступила место общеэтническому самосознанию, признают и современные ижемцы. Интервьюеры, как правило, отмечают, что в 1960–1980-е годы “мы немножко забыли про то, что мы – ижемцы”, что “тогда очень активно нас учили, что все мы – один народ и это оказывало свое влияние”.

В Ижемском р-не Республики Коми, где все население, по данным переписи 2002 г., составляло 21 511 чел. (доля коми при этом была около 90%), коми-ижемцами назвали себя 11 401 (всего в республике 12 689 чел.). Большие группы коми-ижемцев были зафиксированы в Мурманской обл. и Ямало-Ненецком округе. Основная часть людей, назвавших себя коми-ижемцами, – это сельские жители; среди горожан лишь 1,5 тыс. чел. выбрали указанный этноним.

Важно не только то, что значительная часть коми, чьи предки называли себя “изьватас”, вновь решила маркировать свою этническую принадлежность с помощью локального этнонима. Необходимо определить, как понимается ижемская идентичность различными возрастными группами. С этой целью спустя четыре года после переписи населения мы провели в с. Ижма пилотажный опрос местного населения. Опрашивались лишь те, кто соглашался называть себя коми-ижемцем. Опрос проводился не на основе строго формализованного опросника, а в форме свободной беседы с интервьюерами, в ходе которой выяснялось понимание ими собственной этнической идентичности. Главное внимание мы уделили межпоколенной разнице в осознании этнической идентичности, а потому выделили три возрастные группы респондентов.

В каждой из них опрашивалось по 25 человек (минимальная статистически представительная группа). Результаты опроса показали, что доминирующим во всех возрастных группах является представление о том, что ижемцы есть особая, существенно отличающаяся от других группа коми. Довольно значительна и группа респондентов, считавших ижемцев отдельным народом (Табл. 1).

Что касается содержания поморской идентичности, то она тоже понимается различными группами неоднозначно, и реально сегодня в регионе существует не одна поморская идентичность, а “поле идентичностей”, в котором есть и понимание поморов как особого финно-угорского этнического сообщества, и восприятие поморов отдельным славянским сообществом (более “древним”, нежели великороссы), и признание их субэтнической группой (“русские поморы”), и осознание поморской идентичности не как этнической, а как локальной и региональной. Только небольшая часть поморских лидеров и активистов, как показывают наши исследования, готова называть себя отдельным народом. Большая же часть именующих себя поморами выбирает иные формы понимания поморской идентичности.

Характерно, что по итогам переписи населения 2002 г. наибольшее количество поморов было зарегистрировано в городах Архангельске и Северодвинске (4 тыс.), а затем следовали Приморский и Мезенский районы. Общая численность поморов, по

Таблица 1

Результаты идентификации коми-ижемцев по возрастным группам

Ответы	До 30 лет, чел.	31–50 лет, чел.	51 и старше, чел.	Всего
Ижемцы – это отдельный народ, и не следует их смешивать с остальными коми	2	9	7	18(23%)
Ижемцев можно считать коми, но они заметно отличаются от других групп народа коми	24	16	11	51(65%)
Ижемцы – это те же коми, и никаких различий между ними и другими коми сегодня нет	–	2	7	9(12%)
Всего респондентов	26	27	25	78(100%)

данным переписи, составляет 6574 чел., из которых городскими жителями являются 4779, а сельскими – 1792 чел. (Итоги 2004: 14).

В отличие от Ижемского р-на Республики Коми и Кольского п-ова, где население активно агитировало записываться коми-ижемцами, в Архангельской обл. такой широкой агитационной кампании не проводилось, хотя в местной прессе и было несколько публикаций по поводу возрождения поморской идентичности. Не ко всем людям переписчики приходили лично, и порой записывали этническую принадлежность со слов родственников и знакомых, а нередко в сочетании “русский помор” оставляли только первую часть этнонима. Многие люди, как отмечают лидеры поморского движения, лишь после переписи осознали, что могли бы назвать себя поморами.

Тем не менее полученный результат, скорее всего, близок к реальным настроениям в Архангельской обл. и ряде других регионов, которые можно отнести к историческому Поморью (Булатов 2003). Значительная часть людей, которые имеют предков, именовавших себя поморами, вполне сознательно называет себя русскими, хотя положительно воспринимает и поморскую идею. Более того, в поморских деревнях по берегам Белого моря, где население и поныне связано с рыбной ловлей и морским зверобойным промыслом, жители называют себя поморами, но при этом не вкладывают в этот этноним того смысла, который готовы вложить в него идеологи поморского движения.

Примечательно, что старожильческое население Архангельской обл. в прошлом также идентифицировало себя по-разному. Жителей южных волостей к поморам не относили и называли “ваганами” (от названия реки Ваги). Но и в северных волостях далеко не все именовали себя поморами. Часть местных жителей и сегодня говорят: “Мы – не поморы, мы – новгородцы”, памятуя о предках, которые некогда пришли в эти места из Новгорода. Помимо этого в некоторых местах Архангельской обл. жители ряда деревень все еще именуют себя “чудью”. По свидетельству исследователей, термин *чудь* традиционно использовался как местный маркер для обозначения отдельных лиц, части населения или жителей некоторых деревень и свидетельствовал об их финском происхождении (Криничная 1991). Но все указанные маркеры воспринимаются как позитивные или нейтральные. Восприятие же маркера “коренной народ” довольно неоднозначно и приближается по смыслу к восприятию термина “туземец”.

К примеру, в Мезенском р-не, который граничит с Ненецким округом и где издавна поморы контактировали с ненцами, определение поморов как “коренной малочисленный народ” воспринимается местными жителями как отождествление их с ненцами. А для массового сознания местного населения это неприемлемо, поскольку оно в со-

циальной иерархии издавна ставило себя выше, так как ненцев не рассматривало как христианский народ (такое же отношение к хантам было у коми-ижемцев на нижней Оби). Таким образом, именно те, кто и сегодня занят промысловой деятельностью, именуют себя поморами и, как полагают некоторые исследователи, “сохранили значительные элементы бытовой поморской культуры” (Тулаева 2009: 7), в меньшей мере готовы определять себя как отдельное этническое сообщество, отличное от доминантной этнической общности страны. Хотя следует признать, что культурные ориентации населения меняются.

Систематизация поморской идентичности сложна, поскольку пока она исторически формировалась на фоне других этнических и региональных идентичностей, долгое время не была актуализирована и сегодня все еще достаточно неопределенна и сильно мифологизирована. В ее основе лежит некая мифологизированная связь поморов с морем, территорией, прилегающей к морю, и осознание этой территории не периферией, но порубежьем, культурным пограничьем. С одной стороны, Поморье – это северный рубеж России, ее оплот на Севере, одновременно и культурный рубеж – своеобразный форпост русской культуры. С другой стороны, это ее край, где одно культурное пространство переходит в другое, и потому поморы нередко маркировали себя как людей, “живущих не от России”.

Сделать поморскую идею и поморскую идентичность органической частью региональной идеологии можно, лишь примирив две идеи: “поморов” и “северян”. Пока идеологи поморского движения сами невольно провоцируют конфликт идентичностей в Архангельске, ибо противопоставляют поморов северянам (Мосеев 2005), что отчасти обусловлено культурной традицией, в которой было принято отделять “чужанов” (т.е. пришлых) от поморов, а в советские годы делить население на местных и “вербованных”, т.е. приезжающих на север по трудовым договорам.

Очевидно, что внимание к локальным идентичностям, усиленное их воспроизводство имеют свою логику и спровоцированы теми социальными и политическими изменениями и процессами, которые происходят в России. Исследователи отмечают: “В современных обществах, в которых индивиды должны справляться с большим количеством социальных ролевых ожиданий, это предполагает формирование множественной идентичности. В зависимости от контекста определенные частичные идентичности становятся значимыми или уходят на задний план, что следует понимать не только как пассивную реакцию на окружающую среду или на требования группы, но и как осознанное индивидуальное распределение приоритетов” (Воронков 1998: 13).

Логику переосмысления социально-групповой идентификации можно понять, принимая во внимание еще одно немаловажное явление, которое связано с последствиями так называемой культурной травмы, которую в результате коренной ломки старой системы ценностей до сих пор ощущает российское общество. Более того, процесс переосмысления старых идентичностей тесно связан и со становлением новых, поскольку в динамично трансформирующемся социуме старые идентичности отмирают или ослабевают и неизбежно появляются новые. Как отмечают Е.Н. Данилова и В.А. Ядов, в таком социуме «принципиально невозможна стабильная социальная идентичность. И тогда то, что мы называем “кризисом идентичности”, выступает как нормальное состояние индивидов, принуждаемых объективными условиями перманентных социальных изменений отслеживать (рефлектировать) свои ориентации в пространстве “Мы – Они” – в своем социальном самоопределении и общественном статусе» (Данилова, Ядов 2000: 30).

С приведенными выше позициями отечественных исследователей согласуются и концепции, выработанные П. Штомпкой и Х. Вогтом (Sztompka 2004; Vogt 2005). Суть их подхода к анализу социальных изменений состоит в том, что процесс культурных изменений тесно коррелирует с политическими и экономическими переменами. Стабильные общества характеризуются определенным культурным равновесием, которое

воплощается в традициях, ценностях, идентичностях. Значительные социальные изменения нарушают это равновесие и ведут к появлению новых символов, ценностей и идентичностей, которые сосуществуют со старыми. При этом нередко возникает разочарование современными ценностями и тогда возрастает привлекательность предыдущего опыта и ценностей прошлого.

Переход к рыночной экономике привел не только к резкому социальному расслоению среди граждан, но и к размежеванию российских регионов на регионы-доноры и депрессивные (дотационные) регионы. Местности, где проживают поморы, коми-ижемцы и устьцилемы, – это глубоко депрессивные районы, для развития которых государство и экономисты не могут предложить каких-либо приемлемых моделей. Не имея собственно экономических оснований для развития, эти районы ищут стимулы в имеющихся у них культурных ресурсах.

Если сравнивать поморов, коми-ижемцев и устьцилемов, то у последних локальное самосознание было заметно ослаблено в советские годы, но оно так и не было полностью подавлено и продолжало сохраняться, что, в частности, выразилось и в некотором противостоянии между коренными устьцилемами и пришлыми, т.е. теми, кого направляли в район на работу по распределению. Как уже говорилось, обособление группы было обусловлено прежде всего конфессиональной спецификой, стремлением к сохранению староцерковной и вместе с тем старорусской культуры. Важно отметить, что от религиозной дифференциации (центры/очаги – категории верующих) ведут свое происхождение и локальные эндонимы: *пижемцы*, *цилемцы* и *устьцилема*; последнее и перекрыло два первых ввиду того, что Усть-Цильма была волостным центром всего сообщества. Таким образом, самоназвание *устьцилема*, будучи вторичным, производным от конфессиональной ситуации термином, отражало не столько внутреннюю консолидацию группы (она была относительной), сколько противопоставление себя иноэтничному и иноконфессиональному окружению (Дронова 2002).

В последние десятилетия название “устьцилема” стало неким этнокультурным маркером, которым иронично определяется положение группы в русском массиве, как некоего особого “народца”: “Ни коми, ни русский, а устьцилём”; “устилимчане, что англичане – только наречие другое” и др. Подобные высказывания акцентируют внимание на своеобразном говоре устьцилемов, приобретенном в настоящее время значение более важного признака группы, нежели староверие, – во всяком случае в глазах большей части местного населения. Об устьцилемском говоре как языковой реальности свидетельствуют материалы двухтомного издания – “Словаря русских говоров низовой Печоры” (Словарь 2003, 2005).

В отличие от двух других рассматриваемых нами групп возрождение группы устьцилемов в постсоветский период началось “с низов”. Первыми обозначили себя староверы, которые решительно и целеустремленно занялись сплочением религиозной общины (Дронова 2009: 207–209). Общественные инициативы, направленные на сохранение культурных традиций, актуализировались, когда лидеры сформировавшегося в то время движения коми заявили, что их цель – это “национальное возрождение” народа и повышение его политической роли в территориальном сообществе. Символическое противостояние с титульным сообществом, которое возникало и прежде, вновь обострилось, что повлекло за собой и актуализацию устьцилемской идентичности. Результатом этих процессов явилось проведение I Учредительного съезда общества “Русь Печорская” в 1990 г. и официальная регистрация годом позже религиозной общины (в статусе действующей местной религиозной организации Древлепоморской церкви).

Одним из свидетельств названного противостояния является также “гимн” устьцилемов (сочинен в эпоху “национального возрождения” в Республике Коми), ко-

торый исполняют ныне как на различных официальных мероприятиях, так и во время семейных застолий. Припевом этого “гимна” служат следующие слова:

“Мы россияне,
Мы – устьцилема,
Мы на своей земле,
Мы – дома!”

Уже из этих слов следует, что группа имеет сложную идентичность и в ней превалирует русская и общероссийская гражданская идентичность (не случайно в эпоху “пика” суверенизации вместо флага Коми над местной администрацией развевался российский штандарт). Сохраняя конфессиональные и культурные особенности, устьцилемы, тем не менее, однозначно ассоциируют себя только с русским этническим сообществом. Свидетельство тому – результаты переписи населения 2002 г., показавшие, что ни один устьцилем не использовал местный этноним для обозначения собственной этнической принадлежности. Такой выбор, между тем, тоже продиктован в немалой степени сугубо прагматическими соображениями. В течение пяти веков, находясь между массивами коми и ненецкого населения, устьцилемы конкурировали с теми и другими и в экономическом, и в культурном плане. В связи с этим отождествление с большим сообществом носило в какой-то мере защитный характер. Такой же характер оно имеет во многом и ныне. Поэтому на первом плане оказывается не локальная, а общеэтническая и даже гражданская идентичность.

Этнополитические институты и их идеология

Политическая мобилизация этничности, которая началась в конце 1980-х – начале 1990-х годов, привела к росту политической активности этнических сообществ, а также к формированию этнополитических организаций, основанных на исторической памяти о прежних этнографических группах.

В 1990 г. при поддержке местных властей на I Учредительном съезде в с. Ижма было создано Коми республиканское общественное движение коми-ижемцев “Изьватас”. Позднее его отделения были созданы на Кольском п-ове (с. Ловозеро), в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах. На съезде с докладом “Сохранить ижемскую этническую группу коми” выступил Виталий Канев, которого и избрали президентом организации. В докладе группа именовалась “ижемским этносом”, в нем говорилось, что он сформировался из русских, коми и лесных ненцев и существенно отличается в языковом и культурно-бытовом плане “от других народностей коми”.

С момента создания в идейных позициях движения ижемцев наблюдалась очевидная двойственность восприятия собственного этнического сообщества. С одной стороны, идеологи движения заявляли, что “ижемцы – часть народа коми”, а с другой – с самого начала деятельности говорилось об ижемском “этносе” (*Хатанзейский* 2000). Характерно, что термин “этнос”, являвшийся ключевым понятием в советской этнографии (*Тишков* 2003), был активно воспринят этническими антрепренерами, но понимался ими по-своему. Маркируя группу как “этнос”, активисты понимали, что таким образом они символически повышают культурный статус группы.

Первоначально перед движением ставились довольно ограниченные задачи, связанные с защитой интересов группы, сохранением и развитием языка и культурной самобытности коми-ижемцев, ознакомлением населения с ее историей и традициями. При этом важным элементом идеологии был концепт “золотого века ижемцев”, который виделся в положении группы на рубеже XIX–XX вв. Тогда она заметно выделялась своим богатством и предприимчивостью среди других групп коми. Процветание ижемцев прочно связывалось с оленеводством. Отсюда идеи создания оптимальных

условий для развития этой отрасли хозяйства и придания Ижемскому р-ну статуса “национального района” (Филиппов 1991). Вторым маркером идентичности в идеологических построениях движения был особый культурный образ ижемца: “Они отличаются от других коми самобытностью языка, культуры, богатыми традициями. В своем историческом развитии коми-ижемцы, именуемые *изъватасами*, смогли выжить благодаря их трудолюбию, мудрости, уважению к другим народам”.

Типичными чертами ижемского характера можно считать скромность и терпеливость, немногословие и стеснительность. Писатель С.В. Максимов отмечал присутствие у ижемцев “предприимчивости, толковости, находчивости и изворотливости – одним словом всего, что характеризует коммерческого человека”, что и было записано в программной брошюре движения “Изъватас” (Хатанзейский 2000: 2).

Ассоциация “Изъватас” со времени своего создания входила в состав движения коми, но не выделялась особой активностью или позицией. Но после того, как в одном из сел Ижемского р-на возникло активное движение “зеленых” (вошедших в “Изъватас”), которое выступало за сохранение родовых угодий ижемцев и против экспансии нефтяных компаний, влияние ассоциации существенно возросло. Важнейшей задачей “Изъватас” стало сохранение контроля над территорией, поиск стимулов для развития группы за счет изменения отношений с недропользователями. Если прежде эти цели пытались решить путем изменения статуса района, то постепенно приходило осознание того, что имеет смысл добиваться изменения статуса самой группы.

Важная веха в политическом позиционировании ассоциации – подготовка и проведение переписи населения. В августе 2002 г. отделение “Изъватас” в с. Ловозеро Мурманской обл. приняло обращение к сородичам в Коми с призывом обозначить этническую принадлежность в ходе переписи не как “коми”, а как “коми-ижемцы”. В сентябре того же года Совет движения практически единодушно объявил о своей поддержке этого обращения. Тогда же ижемские активисты и поддерживавшие их депутаты МО “Ижемский район” выступили с призывом включить ижемцев в “Перечень коренных малочисленных народов”, официально утвержденный правительством РФ в 2000 г.

28 июня 2003 г. в Ижме прошел Пятый съезд движения “Изъватас”, на котором было принято решение добиваться для ижемцев статуса “коренного малочисленного народа”. Новый председатель движения обосновала принятое решение следующим образом: “К сожалению, на коми-ижемцев до сих пор не распространяются права и льготы социально-экономического характера и налоговые послабления в сфере природопользования, плоды от которых уже видят те же ханты и саами... Представители малочисленных народов освобождены от платежей за пользование лесным фондом для собственных нужд. На землях, официально объявленных территориями традиционного природопользования малочисленных народов, запрещена промышленная деятельность, которая ведет к загрязнению окружающей среды. Почему один из народов-соседей может пользоваться этими правами, а другой нет?” (Сивкова 2003).

Акцент на особых интересах и особом статусе ижемцев привел к дистанцированию их от этнического сообщества, к которому относили группу, и от общекومی движения. В конце 2004 г. ижемцы вошли в состав Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (АКМНС и ДВ), а в апреле 2005 г. их делегация приняла участие в Пятом съезде данной ассоциации. Тем не менее споры вокруг заявленной ижемцами цели объявить себя коренным малочисленным народом Севера не утихали.

В одном из интервью бывшего министра культуры и по делам национальностей М. Кузьбожевой (активистки движения коми), к примеру, заявлялось: “Коми-ижемцы утверждают, что они не коми. Тем самым они отрицают всю историю коми народа. Тем самым они отделяются, обособляются от других коми, которые, имея какие-то этнические, языковые особенности, все-таки являются частями одного немалочисленного, но коренного народа Севера – коми, коми-зырян. Намерение получить особый

статус, для того чтобы попасть под государственный протекционизм, унижительно для коми народа” (*Мезак* 2004). Подобная позиция означала, что местные власти, как и лидеры движения коми, не разделяют идеи культурной свободы, сформулированные в докладе, подготовленном Программой развития Организации Объединенных Наций “Культурная свобода в современном многообразном мире”, следовать которой призывает В.А. Тишков (*Тишков* 2005). Кроме того, ситуация вокруг ижемцев является свидетельством все более очевидного конфликта – конфликта идентичностей.

Процесс фрагментации этнических сообществ и возрождения старых этнонимов затронул не только коми, но и другие народы. Так, к примеру, у удмуртов заявили о себе бесермяне, у татар – кряшены, мишари, у русских – казаки и поморы.

Самому возрождению этнонима “помор” предшествовал длительный этап развития поморской идеи. На наш взгляд, в основе попыток сконструировать новую поморскую идентичность лежат, помимо прочих причин, политические интересы местных элит и использование этничности как политического ресурса (*Шабаетов* 2006). Региональная архангельская элита выдвинула идею превращения Архангельска в экономическую и культурную столицу европейского Севера России и объединения вокруг него северных регионов. Поэтому поморская идея стала возрождаться в начале 1990-х годов как идея некоего регионального общественно-политического движения, противопоставляющего себя федеральному центру. Тогда же родилась и идея Поморской республики (в это время активно пропагандировались и идеи Уральской республики, Вологодской республики и ряда других “республик”). Для реализации идеи в 1992 г. ряд политических партий и организаций Архангельской обл. зарегистрировали национальный культурный центр “Поморское возрождение”. Многие лидеры движения, выступавшие за создание республики, тем не менее, отказались на том этапе от создания этнополитического поморского движения.

В 1994 г. политическое движение “Поморское возрождение” распалось на отдельные группы. Позднейшие попытки сплотить поморские организации в рамках объединения “Поморский мир” также не были успешными. Тем не менее “поморская идея” прочно утвердилась в региональном политическом дискурсе и стала обретать культурное содержание.

Ее суть в 1998 г. попытался выразить лидер движения “Демократическое возрождение Севера” (прекратившего свое существование в 2001 г.) Александр Иванов: “Поморы обладают особым чувством собственного достоинства и любовью к свободе. Причина этого в том, что на севере не было крепостного права, а основной формой организации хозяйственной жизни была не община, а артель... Поморам исторически присуще презрение к московской власти – и царской, и советской, и постсоветской – за ее лживость, жестокость и творимый ею произвол. Поморы стремятся работать не на государство и как можно меньше зависеть от него... Суровая природа севера выработала особые черты характера помора – смирение, терпение, стойкость, своеобразный сплав практицизма и мистицизма. Перед лицом грозной стихии мы смиренно просим Бога о милосердии, перед лицом московской тирании мы тоже просим милости у бога – у тиранов просить ее бесполезно...” (*Филатов* 2002: 65).

Исторические мифы о вольных поморах и глубоких традициях демократии, которые были уничтожены московской властью, легко разрушаются, ибо обширные поморские земли уже к XV в. находились под боярским управлением и вся жизнь местного населения жестко регламентировалась. Тем не менее эти мифы очень важны для идейных позиций поморского движения. Подчеркивая значимость этнических мифов для идеологии, В.А. Шнирельман указывает, что “миф играет инструментальную роль – он обслуживает совершенно конкретную современную задачу, будь то территориальные претензии, требования политической автономии или стремление противодействовать культурной нивелировке и сохранить свое культурное наследие” (*Шнирельман* 2000: 14).

Еще один комплекс мифов касается особенностей поморского характера и поморской ментальности. В наиболее целостном виде концепция особой ментальности поморов изложена в книге “Экология помора”: «Помор – это стиль жизни, алгоритм поведения в окружающей среде. Для помора “море – наше поле”... Помор – это не только тот, кто живет у моря, это в первую очередь тот, кто следует определенным жестким, зачастую самоограничительным традициям поведения в окружающей природной и социальной среде. В основе этого поведения – достижение естественного равновесия, гармонии отношений в системе “индивид (семья, род) – природа» (Лисниченко 2007: 81).

Значительный стимул к развитию поморского движения дали итоги переписи населения 2002 г., которые показали, что поморская идентичность вполне реальна и может быть зафиксирована статистически.

В 2003 г. в Архангельске была зарегистрирована национально-культурная автономия поморов г. Архангельска, а в начале 2004 г. община поморов как община коренных малочисленных народов Севера. Современные лидеры поморов заявляют, что поморы – не этнографическая группа и не субэтнос русского народа, а самостоятельная этническая группа. При этом они настаивают, что это финно-угорская группа. Председатель национального культурного центра Архангельска И. Мосеев в своем заключении “Этническое самоопределение и этногенез поморов” так сформулировал идеологическую основу поморской национально-культурной автономии: «Несмотря на многочисленные попытки ассимилировать поморов и представить их лишь как составную часть великорусского этноса (этнографическая группа, субэтнос, популяция, сословие и т.д.), поморы сохранили свое этническое самосознание, о чем свидетельствуют результаты переписи 2002 г. ... Поморы – это самостоятельный этнос, первичная культура которого не была привнесена извне (из России), а возникла в ходе постепенного слияния местных угро-финских “протопоморских” культур и культуры первого древнерусского (но не “великорусского”!) населения» (Шабаев 2003). Указанная позиция разделялась до недавних пор и председателем национально-культурной автономии поморов г. Архангельска П. Есиповым, который замечает: “Предками поморов были такие финно-угорские племена, как саами, вепсы, корела...” (Есипов 2006).

У отечественных этнографов иной взгляд на этническую историю Европейского Севера. В частности И.В. Власова отмечает: “Новгородцы и ростовцы, с которыми было связано формирование русского населения Севера, хотя и представляли собой земельные областные общности, относящиеся к одному этносу, тем не менее, сами, с этнической точки зрения, имели смешанное происхождение, ибо жили и развивались в различных природных и хозяйственных условиях и при расселении в Восточной Европе, в том числе и по Северу, сталкивались с различными группами финно-угорского происхождения” (Власова 2005: 39).

Сегодня поморский “бренд” активно используется и лидерами поморского движения, и местными политиками, и интеллектуалами для сугубо прагматических целей, причем в отношении использования “брэнда” в местном сообществе достигнут своеобразный консенсус, ибо о его позитивном значении говорят представители различных социальных групп. Термин “бренд” мы используем не случайно, а потому, что в своих попытках определить значимость “поморской идеи” для местного сообщества многие архангелогородские интеллектуалы независимо друг от друга использовали именно его во время их интервьюирования. Это достаточно показательно, ибо названные *речевые практики* указывают на способ создания культурных границ, на их сконструированный характер. Важно, однако, заметить, что конструируемая культурная граница является социально одобряемой.

Важным этапом в становлении поморского движения как этнополитической организации стал Съезд поморского народа, который был проведен в Архангельске в сентябре 2007 г. Он, в отличие от иных этнических съездов, проходящих в России,

проводился не на государственные деньги, а на деньги спонсоров, и многие делегаты приезжали на него за счет собственных средств. При этом съезд собрал около сотни делегатов из Архангельской, Мурманской областей, Ненецкого автономного округа и ряда других регионов РФ. На съезде было принято положение о Совете поморского народа и избраны его члены, а сам съезд был объявлен “высшим руководящим органом поморского народа”. В принятой на съезде декларации говорилось: “Мы поморы, коренной народ российского Севера, традиционно испокон веков проживающий в Архангельской, Мурманской областях, республике Карелия и Ненецком автономном округе, заявляем о своем праве на существование в качестве самостоятельного народа Российской Федерации... Мы заявляем о своем праве на владение и пользование традиционными территориями и природными ресурсами наравне с другими коренными народами Севера, включенными в Единый перечень коренных народов России”. В резолюции съезда говорилось о том, что отказ органов власти включить поморов в перечень коренных народов следует рассматривать как “факт дискриминации” и что налицо вытеснение поморов с мест их традиционного природопользования.

В Усть-Цилемском р-не этнокультурное объединение “Русь Печорская” возникло в 1990 г., а позднее его отделения появились и в других городах и районах республики (Сыктывкар, Ухта, Печора, Инта), а также в Москве, Нарьян-Маре. На очередном съезде общественная организация была реорганизована в межрегиональное общественное движение “Русь Печорская”. Говорить о некоей идеологии применительно к названной организации трудно, тем не менее ее деятельность, призванная сохранять культурную самобытность устьцилемов, фактически базировалась на двух идеях. Первая состояла в манифестации “укорененности группы” на территории республики, вторая – в демонстрации культурных границ между устьцилемами и их этническим окружением. Но “идеология” рождена не элитной группировкой, а силой традиции, которая поддерживалась ее носителями, в качестве которых выступали ортодоксальные приверженцы старообрядчества. Уже позднее эту традицию как региональную идеологию восприняли прагматично настроенные местные политические активисты, способствовавшие превращению локальной идентичности и местных обычаев в некий ресурс, обеспечивающий привлечение общественного внимания к Усть-Цильме и определенные финансовые потоки.

Проблема статуса

Центральное место в политических программах ижемского движения и лидеров поморского движения занимает требование предоставить обеим группам статус “коренного малочисленного народа”. Само содержание этого понятия и его концептуальная критика подробно рассмотрены в содержательной статье С.В. Соколовского (*Соколовский 2007*), поэтому мы ограничимся лишь тем, что напомним, что Единый перечень коренных малочисленных народов был утвержден правительством РФ в 2000 г. Закрепление за группой названного статуса означает государственную поддержку, касающуюся предоставления преимущественных прав пользования земельными ресурсами, освобождение от земельного налога, выделение бесплатных квот вылова рыбы и морского зверя, предоставление детям из числа “коренных народов” бюджетных мест в вузах и т.д.

Проблема статуса воспринимается особенно остро, поскольку коми, поморы, с одной стороны, и саамы, ненцы и ханты – с другой, не только соседствуют, но часто проживают в одних и тех же поселениях, заняты одними и теми же хозяйственными занятиями, сталкиваются с одинаковыми проблемами. Но при этом одни получают государственную поддержку, а другие – нет. Так, на Кольском п-ове саамы и коми живут в селах Ловозеро, Краснощелье и других, в Мезенском р-не Архангельской обл. ненцы проживают вместе с поморами в селах Ручьи, Долгощелье, Койда, Майда, и

при этом они освобождены от платы за пользование оленьими пастбищами, в то время как хозяйства района были вынуждены в обязательном порядке перечислять платежи за земли в бюджет. Более того, ненцам и саамам как “коренным народам” предоставляются квоты на вылов морской рыбы. При этом свои квоты никогда полностью не выбираются и перепродаются ненецкими и саамскими лидерами. В то же время поморам выделенных квот катастрофически не хватает для поддержания минимальной рентабельности хозяйств, но при этом они платят как за выделяемые квоты, так и за предполагаемый объем вылова. Положение мезенских рыбопромысловых хозяйств во многом сходно с положением аналогичных хозяйств на карельском берегу Белого моря, который относится к историческому Поморью (Гнетнев 2008: 200–209).

Проблема статуса особенно актуализировалась в последние годы, ибо, к примеру, хозяйства Мезенского р-на, которые прежде держали стада оленей, вынуждены были отказаться от оленеводства, поскольку в новых условиях обязаны платить за пользование земельными угодьями и тундровыми территориями, в то время как ненцы из Ненецкого автономного округа освобождены от таких платежей. То же самое касается как морского рыбного промысла (сегодня он не только ограничен, но и поставлен фактически вне закона), так и рыболовных угодий на озерах и реках. Здесь, на севере, исторически сложилось разделение труда между ненцами и поморами, которое одновременно порождало и различные формы трудовой кооперации между разными этническими группами (Давыдов 2006). Прежнее разделение труда нарушено, равно как и нарушен прежний характер культурного позиционирования этнических групп, и на этой почве возникают различные конфликты между титульным населением Ненецкого автономного округа и старожильческим населением Архангельской обл.

Администрация области дважды направляла официальные ходатайства в Министерство регионального развития РФ с просьбой поддержать требование поморов и включить их в Единый перечень коренных малочисленных народов. Но поскольку на эти просьбы были получены отрицательные отзывы московских и Санкт-Петербургских этнологов, обращение не было удовлетворено.

9 августа 2005 г. в День коренных народов мира национально-культурная автономия поморов г. Архангельска распространила пресс-релиз, в котором сообщалось, что, согласно данным социологического исследования, осуществленного Центром социологических и маркетинговых исследований “Форис”, 74% архангелогородцев поддерживают идею признания за поморами прав коренного малочисленного народа Севера (Пресс-релиз 2005). Хотя, на наш взгляд, численность выборочной совокупности в исследовании явно недостаточна для однозначной оценки настроений жителей Архангельской обл., можно все же говорить о заметной поддержке поморского движения и выдвигаемых им идей.

В конце апреля 2007 г. в адрес вице-премьера правительства РФ Д.А. Медведева было направлено открытое письмо национально-культурной автономии поморов г. Архангельска. Авторы просили помочь “разобраться с проблемами исполнения действующего российского законодательства и международных соглашений по национальным вопросам федеральными органами власти”. В письме подчеркивалось, что “поморы столкнулись с невозможностью реализации права на этническую самоидентификацию”, гарантированное конституцией РФ, что культура поморов находится под угрозой исчезновения.

Навстречу поморам не идут, но подобная ситуация как раз и создает условия для консолидации тех, кто готов признать себя помором, и роста общественной поддержки поморского движения, о чем свидетельствует и его нарастающая активность. В 2009 г. в Мурманском пос. Умба состоялся Второй межрегиональный съезд поморов Белого моря, а на 2010 г. намечен третий съезд в карельском Беломорске.

Впрочем, очевидно, что особый статус как некая “охранная грамота” необходим прежде всего жителям сельских поселений с традиционным укладом хозяйственной жизни, в частности приморским деревням и селам в архангельской глубинке, где местное население живет за счет натурального хозяйства (приусадебных участков, охоты, рыбной ловли).

Специфика ижемской “борьбы” за статус определяется не только значимостью оленеводства для региональной экономики и укоренившимся восприятием оленеводов как представителей коренных малочисленных народов Севера, но и другими обстоятельствами. В частности, очень важное значение для ижемских активистов имеет тот факт, что ижемцы уже практически были приравнены к “коренным народам”. Согласно постановлению Правительства РФ “О Перечне районов проживания малочисленных народов Севера” от 11 января 1993 г., № 22, Ижемский р-он Республики Коми был отнесен к территориям, на которых проживают малочисленные народы.

Сегодня ситуация такова, что часть льгот, которые законодательно закреплены за коренными народами, необходима и другим местным сообществам. Игнорирование интересов последних приводит к конфликту между ними и государством. Фактически повсеместно на Севере РФ традиционными охотничьими и рыбными угодьями население, не маркированное как “коренной малочисленный народ”, пользуется в нарушение федерального законодательства. Использование угодий необходимо для выживания и оправдано с точки зрения традиционной морали, а потому борьба за статус будет постоянно “подогреваться” указанными обстоятельствами.

Заключение

Ситуация, складывающаяся вокруг поморов, коми-ижемцев и устьцилемов, очевидно демонстрирует неопределенность этничности и ее смысловую многозначность, а также возможности манипулирования ею. Кроме того, она показывает, что этническая идентичность и культурный статус группы становятся инструментом защиты местных интересов и ресурсом, позволяющим обеспечивать более комфортные условия для выживания территориальных сообществ, лишенных иных стимулов для развития.

Говоря о поморах, коми-ижемцах и устьцилемах, мы фактически должны оценивать три разных культурных сценария, реализация которых предполагает осмысление и переосмысление идентичности локальных культурных сообществ.

В случае с коми-ижемцами, действительно, очевиден процесс реидентификации, который сопровождается попытками переосмысления групповой идентичности, актуализацией исторической памяти. Но главный смысл этого процесса – не культурное дистанцирование группы от ее этнического окружения, а использование этничности как формы защиты групповых интересов и как стимула для социально-экономического развития. Кроме того, под реидентификацией скрывается процесс конструирования этничности и стремление, используя историческую память, консолидировать группу как совершенно новое культурное сообщество. Во втором случае мы имеем совершенно очевидный процесс конструирования новой этнической идентичности. В основе этого конструирования лежат исторические и культурные мифы, связанные с происхождением группы и ее особой ментальностью. Лидеры группы особое внимание уделяют воссозданию и актуализации культурных символов – празднованию поморского Нового года, проведению Маргаритинской ярмарки, фольклорным праздникам и т.д.

В первом случае реализуется сугубо “сельский” проект, ибо ижемскую идентичность поддерживают преимущественно те, кто связан непосредственно с землей. Сами ижемские лидеры – жители сельских районов, и даже нынешний лидер “Изьватас”, Валентина Ануфриева, после избрания председателем переехала жить из Сыктывкара в ижемское с. Мохча. Однако главную роль в формировании идеологии и активизации позиций ассоциации сыграли не официальные лидеры, а рядовые активисты, которые выражали интересы жителей отдельных сел и переселенческих групп, ощутивших ре-

альные угрозы своим экономическим интересам (в одном случае – это были охотничьи угодья, в другом – олени пастбища, на которых приходится конкурировать с саамами и ненцами).

Во втором случае мы имеем “городской проект”, ибо не только большинство жителей Архангельской обл., назвавших себя поморами во время переписи населения 2002 г., являлось горожанами, но и почти все лидеры и идеологи движения – это городские интеллектуалы, глубоко интегрированные в доминантную культурную среду. Исключение составляет лишь председатель Совета поморских старейшин С. Самойлов.

В случае с устьцилемами происходит актуализация традиций и превращение локальной традиции в некий культурный манифест, с помощью которого группа отстаивает не столько свой статус, сколько свое равноценное место в территориальном сообществе.

Источники и литература

- Ануфриев* 2008 – *Ануфриев В.В.* Русские поморы. Культурно-историческая идентичность. Архангельск, 2008.
- Ануфриева* 2007 – *Ануфриева В.* Ижемцы – это отдельная этническая общность // *Извѣстия*. Май 2007. № 2.
- Бернштам* 1978 – *Бернштам Т.А.* Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л., 1978.
- Бернштам* 1985 – *Бернштам Т.А.* К проблеме формирования русского населения бассейна Печоры // *Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока* / Отв. ред. А.Д. Столяр. Сыктывкар, 1985.
- Булатов* 1999 – *Булатов В.* Русский Север. Кн. 3: Поморье (XV – начало XVIII в.). Архангельск, 1999.
- Власова* 2005 – *Власова И.В.* Этническая история и формирование населения Русского Севера // *Этнопанорама*. 2005. № 1–2.
- Воронков, Освальд* 1998 – *Воронков В., Освальд И.* Постсоветские идентичности // *Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга*. СПб., 1998.
- Гемп* 2004 – *Гемп К.* Сказ о Беломорье: Словарь поморских речений. М.; Архангельск, 2004.
- Гнетнев* 2008 – *Гнетнев К.* Сорока – Беломорск: в океане живой истории // *Север*. 2008. № 7/8.
- Давыдов* 2006 – *Давыдов А.Н.* Этнохабитат на краю ойкумены: ненцы острова Колгуев // *Межэтнические взаимодействия и социокультурная адаптация народов севера России*. М., 2006.
- Данилова, Ядов* 2004 – *Данилова Е.Н., Ядов В.А.* Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // *Социологические исследования*. 2004. № 10. С. 27–30.
- Дронова* 2002 – *Дронова Т.И.* Русские староверы-беспоповцы Усть-Цильмы: Конфессиональные традиции в обрядах жизненного цикла. Сыктывкар, 2002.
- Дронова* 2009 – *Дронова Т.И.* Старообрядческие общины: пути сохранения традиций // *Очерки русской народной культуры*. М., 2009. С. 197–220.
- Есинов* 2006 – *Есинов П.* Двойные стандарты // *Единый мир*. Вып. 8(20) июль 2006.
- Жеребцов* 1982 – *Жеребцов Л.Н.* Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
- Итоги* 2004 – *Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года*. Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1. М., 2004.
- Кожурин* 2007 – *Кожурин К.Я.* Духовные учителя сокровенной Руси. СПб., 2007.
- Конаков, Котов* 1991 – *Конаков Н.Д., Котов О.В.* Этноареальные группы коми: Формирование и современное этнокультурное состояние. М., 1991.
- Котов и др.* 1991 – *Котов О.В., Розачев М.Б., Шабаев Ю.П.* Современные коми. Екатеринбург, 1996.
- Криничная* 1991 – *Криничная Н.А.* Предания Русского Севера. М., 1991.
- Лашук* 1958 – *Лашук Л.П.* Очерк этнической истории печерского края. Сыктывкар, 1958.
- Лисниченко, Лисниченко* 2007 – *Лисниченко В.В., Лисниченко Н.Б.* Экология помора. Архангельск, 2007.

- Мезак* 2004 – *Мезак Э.* Ижемцы оказались в бедных родственниках у язьвинцев // Зырянская жизнь. 9 авг. 2004.
- Мосеев* 2005 – *Мосеев И.И.* Поморская Говоря: Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.
- Первая 1905 – Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Т. II: Общий свод по империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. СПб., 1905.
- Пресс-релиз 2005 – Пресс-релиз НКА поморов. 9 августа 2005 г. // Информационный центр финно-угорских народов (<http://www.finugor.ru>).
- Ружников* 2005 – *Ружников А.В.* Поморское судостроение и мореплавание в XIX – начале XX веков: тенденции развития // Лодия: Сб. ст. № 1. Архангельск, 2005.
- Русская диалектология 1989 – Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 1989.
- Сивкова* 2003 – *Сивкова А.* Ижемцы просятся в малочисленные // Республика. 18 июля 2003 г.
- Словарь 2003, 2005 – Словарь русских говоров низовой Печоры. Т. 1. СПб., 2003; Т. 2. СПб., 2005.
- Соколовский* 2004 – *Соколовский С.В.* Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004.
- Соколовский* 2007 – *Соколовский С.В.* Правовой статус и идентичность коренных народов (по материалам Всероссийской переписи населения 2002 года) // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. Вып. 33. М., 2007.
- Теребихин* 2004 – *Теребихин Н.М.* Метафизика Севера. Архангельск, 2004.
- Теребихин, Несанелис* 2008 – *Теребихин Н.М., Несанелис Д.А.* Географические образы этнокультурного ландшафта коми-зырян // Поморские чтения по семиотике культуры. Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов европейского севера. Вып. 3. Архангельск, 2008.
- Тишков* 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Тишков* 2005 – *Тишков В.А.* О культурном многообразии // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 2005. № 1. С. 3–22.
- Тулаева* 2009 – *Тулаева С.А.* Поморская идея: возникновение и развитие // ЭО. 2009. № 4. С. 3–17.
- Филатов* 2002 – *Филатов С.Б.* Архангельский край – хранитель духовных традиций Новгородской республики // Гуманитарные исследования и гуманитарное образование на Европейском Севере: Сб. матер. междунар. науч. конф. (Архангельск, 16–18 сентября 2002 г.). Архангельск, 2002. С. 65.
- Филиппов* 1991 – *Филиппов Г.* От съезда к съезду // Новый Север. 4 июля 1991 г.
- Хатанзейский* 2000 – *Хатанзейский Н.К.* Движение “Изьватас”: его дела и заботы. Ижма, 2000.
- Чеснокова* 1989 – *Чеснокова Н.Н.* Государственное освоение северного Припечорья в конце XV–XVI вв. // Археография и источниковедение Европейского Севера РСФСР. Вологда, 1989.
- Шабаев* 2003 – *Шабаев Ю.П.* Кому нужны поморы? // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 51. М., 2003.
- Шабаев* 2006 – *Шабаев Ю.П.* “Бунтующая этничность” на европейском севере России // Общественные науки и современность. 2006. № 3.
- Шабаев* 2007 – *Шабаев Ю.П.* Спор вокруг поморов: кто прав? // Бюллетень сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. № 73. Май-июнь. М., 2007.
- Шнирельман* 2000 – *Шнирельман В.* Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. Аналитическая сер. Вып. 3. М., 2000.
- Sztompka* 2004 – *Sztompka P.* The Trauma of Social Change: A Case of Postcommunist Societies // Cultural Trauma and Collective Identity / Eds. J.C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen et al. Dercley, CA: University of California Press, 2004.
- Vogt* 2005 – *Vogt H.* Between Utopia and Disillusionment: A Narrative of the Political Transformation in Eastern Europe. N.Y.: Berghahn Books, 2005.

Y.P. Shabaev, T.I. Dronova, V.E. Sharapov. The Izhma Komi, Pomor, and Ust-Tsilema: Patterns of Cultural Transformations

Keywords: Pomor, Izhma Komi, Ust-Tsilema, ethnic group, identity

The article deals with the analysis of cultural processes which have been increasingly manifesting themselves in various local groups in the recent years. Under consideration are the Pomor, Izhma Komi, and Ust-Tsilema groups, the cultural development of which displays many common traits. The main focus of attention is identity as well as the specificities of identification within each of the groups.

ЭО, 2010 г., № 5

© А.С. Щербает

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
МОРДОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА
В XX в.***

Ключевые слова: мордва, Башкортостан, этнодемография, численность, возрастная структура, средний возраст, образование и занятость, урбанизация, ареалы расселения, смешанные браки, сфера национально-русское двуязычие, языковая ассимиляция, депопуляция

К числу народов, проживающих в современном Башкортостане, относится и мордва. Формирование этнотерриториальной группы мордвы Башкортостана, или приуральской мордвы, происходило в основном во второй половине XVIII – начале XX в. До 1940-х годов численность мордовского населения республики увеличивалась, а со второй половины XX в. – неуклонно снижается. В статье анализируются условия и факторы, способствовавшие фактической депопуляции приуральской мордвы в течение XX столетия: изменение традиционной географии расселения; урбанизация и ее темпы; динамика численности и соотношение половозрастных групп мордовского населения в разные годы; размер семьи у мордвы и других финно-угорских народов края, смешанные браки и ассимиляция; уровень владения национальными языками (эрзянским и мокшанским) в разные годы, соотношение данного показателя и темпов урбанизации; выявлена взаимосвязь и взаимообусловленность ряда отмеченных факторов. В качестве источников использованы опубликованные данные Всероссийских и Всесоюзных переписей населения 1920–1989 гг. по Башкирии, а также неопубликованные статистические материалы архивов Республики Башкортостан, в том числе – ведомственного архива Комитета государственной статистики РБ.

Формирование этнотерриториальной группы мордвы Башкортостана, или приуральской мордвы (Кузеев 1992: 259), происходило во второй половине XVIII – начале XX в. (причем наиболее интенсивно – со второй половины XIX столетия). До 1940-х годов численность мордовского населения увеличивалась, а со второй половины XX в. – неуклонно снижается. Задачей настоящей работы является анализ условий и факторов, способствовавших фактической депопуляции приуральской мордвы в XX столетии.

Александр Сергеевич Щербает – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и мировой политики ФГОУ ВПО “Северо-Западная академия государственной службы” (Санкт-Петербург); e-mail: as19792004@mail.ru

* Статья подготовлена в рамках федеральной целевой программы “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009–2013 гг. (направление “Исторические науки”, мероприятие 1.2.2, контракт П664: “Национальные процессы на Южном Урале в XX–XXI вв.”).